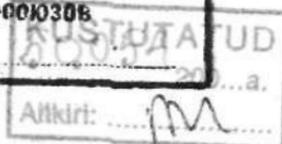
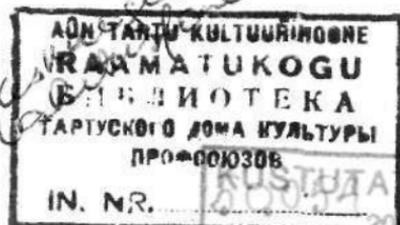

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTATUD 1893. a. VIHK 104 ВПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

IV

TARTU 1961

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. А. БЛОКЕ

В 1961 г. исполняется 40 лет со дня смерти Александра Александровича Блока. К этой дате приурочена публикуемая ниже подборка воспоминаний о поэте.

ВОСПОМИНАНИЯ Е. М. ТАГЕР О БЛОКЕ.

Вступительная статья, публикация и комментарии З. Г. Минц.

Воспоминания советской писательницы Е. М. Тагер посвящены важному периоду творчества А. Блока, — годам роста антивоенных настроений, пришедших поэта, в конечном итоге, к Октябрю.

В эволюции Блока важнейшую роль играло постоянное углубление социальной тематики и, в первую очередь, — взглядов на народ. Пути поэта отнюдь не был прямолинейным. Но именно в конце 1900-х—1910-ые гг. у Блока постепенно формируется новое понимание народа, «облученное» традициями демократической мысли XIX в. (хотя и не сводимое к ним). Оно включает в себя веру в историческую миссию народа России, гуманистический протест против незаслуженного унижения человека в «страшном мире» российской действительности («Униженье», 1911), мысль о том, что вековое терпение — не в интересах народа («Коршун», 1916) и вовсе не составляет его «исконной» сущности (тема революции в цикле «Ямбы»; «Возмездие»). Одно из ярчайших поэтических свидетельств этих представлений Блока — стихотворение «На железной дороге» (1910). Воспоминания Тагер содержат важное свидетельство о том, что сам Блок (как известно, часто отказывавшийся интерпретировать собственные стихи) в данном случае четко и недвусмысленно выделил в произведении именно «некрасовскую» струю активного, протестующего гуманизма, боли за прекрасного человека, «раздавленного» ходом русской жизни.

Не менее интересен и другой вопрос, освещенный в публикуемых воспоминаниях, — об отношении Блока к Религиозно-философскому обществу и одному из его активных членов — В. В. Розанову. Вопрос этот позволяет увидеть другую важную сторону эволюции Блока — неотвратимое приближение полного разрыва поэта с его ближайшим литературно-общественным окружением.

Когда в 1907 году на основе религиозно-философских собраний¹ возникло Религиозно-философское общество, Блок вступил в него, надеясь установить общение с широкими слоями русской интеллигенции. Оговари-

¹ Еще в 1905 г. (29. III) Блок писал Е. П. Иванову: «Нас с тобой (только двоих из «молодых») зовут на религ<иозно>-филос<офское> собрание» (Письма А. А. Блока к Е. П. Иванову, М.—Л., изд. АН СССР, 1936, стр. 33).

ваясь, что религиозные цели общества ему совершенно чужды («у церкви спрашивать мне решительно нечего»), Блок в то же время думает, что на заседаниях ему удастся познакомиться с «новой аудиторией» и, вместе с ней «в корне» изменив общество, направить его по другому, новому руслу². Не случайно в записной книжке, рядом с приведенной записью, находятся размышления поэта о шестидесятниках как «цвете интеллигенции» России XIX в.³

Как известно,⁴ Блок на заседаниях Религиозно-философского общества читал доклады о народе и интеллигенции. Но именно их обсуждение показало Блоку дистанцию между его мучительными поисками путей к народу и внутренней пустотой самоуспокоенной кадетской «оппозиции».⁵

Поэтому уже в конце 1907 г. Блок сомневается, не окажутся ли «гордые истины», возмечавшиеся «с кафедр религиозно-философских собраний»⁶, пустой болтовней, не имеющей никакого отношения к нуждам родины. В статьях «Литературные итоги 1907 года» и «Вопросы, вопросы и вопросы» (1908) всё более отчетливо звучат ноты скептического отношения к деятельности Общества. Постепенно интерес Блока к Обществу исчезает почти совершенно. В 1910-х гг. поэт посещает заседания Общества крайне нерегулярно, относя их к числу «всякой дряни», мешающей творчеству⁷. Заседания «смертельно надоели», — сообщает он матери⁸.

Однако Блок все-таки не порывает с Обществом. Даже в 1917 году, после Февральской революции, возвратившийся с фронта Блок посещает заседание Религиозно-философского общества, хотя и уходит с него крайне разочарованный. Причина того, что поэт так долго остается членом, по существу, уже чуждом ему объединению, совершенно ясна: до 1917 года Блок не находил в окружающей его литературно-общественной среде никаких иных форм организации (как известно, ни в какие литературные группировки 1910-х гг. он не входил); остаться же без аудитории Блок не хотел. Поэтому полный разрыв с Обществом наступил лишь в 1917 г.

Очевидно, что в 1915 г. Блок не мог не откликнуться на такой эпизод из жизни Религиозно-философского общества, как исключение из его рядов реакционного писателя и публициста В. В. Розанова. Поведение Блока, о котором пишет Е. Тагер, особенно интересно потому, что отношения поэта с Розановым складывались на разных этапах эволюции Блока по-разному. Еще в годы первой русской революции Блок интересуется и «мистикой» Розанова⁹, и художественными поисками Розанова-прозаика¹⁰. Писатели одно время были близки и лично — в 1905 г. Блок бывал частым гостем Розанова.¹¹

Блок в эти годы высоко оценивает и публицистику Розанова (см.: Письма Александра Блока к родным, т. I, стр. 94).

Однако принципиальная разница позиций привела уже в годы реакции к существенным разногласиям. Первое из них связано именно с отношением

² Записные книжки Александра Блока, стр. 92.

³ Там же, стр. 93.

⁴ См., например: М. А. Бекетова, Александр Блок, стр. 114—117.

⁵ См.: Записные книжки Александра Блока, стр. 100, 101 и др.

⁶ А. Блок, Собрание сочинений, т. X, стр. 130.

⁷ Дневник А. Блока, 1911—1913, стр. 153; ср. там же, стр. 148.

⁸ Письма Александра Блока к родным, т. I, Л., Academia, 1927, стр. 246.

⁹ Не случайно для Блока стоят рядом имена Соловьева и Розанова (см.: Письма Александра Блока к родным, т. I, стр. 128).

¹⁰ В период накануне первой русской революции А. Блок писал А. Белому о «громдном» творчестве Розанова, пружина которого «держится на Трагедии (т. е., как всегда, — борьбе, страдании и беспокойстве)» (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., изд. Гослитмузея, 1940, стр. 43).

¹¹ «Хочешь <...> в следующее воскресенье, пойдем <...> к Розанову», — спрашивает Блок Е. Иванова в письме от 23. III. 1905 (Письма А. Блока к Е. П. Иванову, стр. 44).

к Религиозно-философскому обществу. В ответ на статью Блока «Литературные итоги 1907 г.», ставящую под сомнение плодотворность дискуссий в Обществе, Розанов печатает в газете «Русское слово» от 25. I. 1908 «литературно-неприличный»,¹² по словам Блока, фельетон «Автор «Балаганчика» о петербургских религиозно-философских собраниях», где упрекает Блока в глумлении над «духовными исканиями» современности. «Ничего он не понимает», «не хотел бы подавать ему руки»¹³, — так определяет Блок свое отношение к Розанову в начале 1908 года.

Правда, через некоторое время отношения возобновляются¹⁴. Одновременно с чтением блоковских докладов о народе и интеллигенции выступает на эту тему на заседаниях Религиозно-философского общества и Розанов.¹⁵ Однако вскоре вспыхивает новая, значительно более серьезная полемика — в письмах. В ответ на ряд статей В. Розанова в реакционном «Новом времени» Блок пишет ему письмо от 17. II. 1909. Здесь, всё ещё различая «замечательного писателя Розанова» и «нововременца Розанова»,¹⁶ Блок резко полемизирует с последним. Интересно, что именно спор с Розановым помог Блоку понять слабые стороны его собственных статей 1907—1908 гг. Теперь Блок не считает пропасть между народом и прогрессивной частью интеллигенции непроходимой. И интеллигенту-«гуманисту», наследнику демократических традиций XIX в., и «молодому крестьянину» в равной мере «по крови отвратительна» «российская действительность»; в этом они — «одно» или «вскоре <...> будут одно».¹⁷ Во втором, написанном 3 дня спустя, 20, II. 1909, письме Блока к Розанову содержится одно из самых ярких революционных высказываний поэта дооктябрьского периода о «современной русской государственной машине» как «гноусой, слюнявой, вонючей старости» и о «революции русской в её лучших представителях» как «юности с нимбами вокруг лица».¹⁸ Розанов ответил Блоку, демагогически утверждая, что правительственные репрессии — только «защита» от революционного террора. Сообщая об этом письмо 21. II. 1909 своей матери, Блок прямо объявляет себя сторонником революционной борьбы с царизмом.¹⁹ Вначале Блок хотел продолжить полемику с Розановым в печати — на страницах «Речи».²⁰ Однако уже 21. II. 1909 он сообщает матери о решении вообще прекратить полемику.²¹ Блок ясно увидел диаметрально противоположность своих и розановских позиций, равно как и полную невозможность переубедить «нововременца Розанова».

С этого времени дороги Блока и Розанова резко расходятся, несмотря на попытки последнего поддержать отношения с поэтом. К середине 1909 года у Блока окончательно укрепляется мнение о Розанове как писателе реакционном. В записи от 15. VII. 1909 Розанов называется в числе тех, кто «за старую Россию», и безоговорочно приравнивается к «деятелям» из Союза русского народа²². В 1910-х гг. Блок неизменно называет Розанова в числе тех, кто для него полностью «неприятелен»,²³ и в одном контексте с Сувориным²⁴.

¹² Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову, стр. 63.

¹³ Там же, стр. 64.

¹⁴ См., например, письмо матери от 6. XI. 1908 (Письма Александра Блока к родным, т. I, стр. 228).

¹⁵ См. там же, стр. 234.

¹⁶ Александр Блок, Сочинения в одном томе, М.—Л., ОГИЗ, 1946, стр. 533.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Письма Александра Блока к родным, т. I, стр. 246.

²⁰ Александр Блок, Сочинения в одном томе, стр. 533.

²¹ Письма Александра Блока к родным, т. I, стр. 246.

²² Записные книжки Александра Блока, стр. 127.

²³ Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, стр. 234.

²⁴ См.: Дневник Ал. Блока, 1911—1913, стр. 38; см. также стр. 40.

В эти годы многие, даже весьма умеренно-либеральные литераторы рвут отношения с откровенно-реакционным Розановым. Разговоры с Мережковскими и Е. П. Ивановым об «изгнании» Розанова из газеты «Русское слово» Блок фиксирует в 1911 г. трижды: 16 ноября и 24 и 27 декабря.²⁵ Вторая из этих записей сопровождается любопытным комментарием: «У меня при таких событиях всё-таки сжимается сердце <...> Человека, которого бог наградил талантом, маленьким или большим, непременно, без исключений, на известном этапе его жизни — начинают поносить и преследовать <...> Сначала вытаскает, потом — преследуют — сами же. Для таланта это драма, для гения — трагедия».²⁶ Приведенное рассуждение Блока — значительно шире вопроса о свободе творчества. Фактически поэт поднимает здесь основной для него в 1910-х гг. вопрос о свободе личности вообще, Правомерно ли сковывать высшую ценность мира — безграничную свободу человека? Тем более интересен ответ: «Так должно, ничего не поделаешь, талант — обязанность, а не право. И «нововременство» даром не проходит».²⁷ В приведенных цитатах интересно и то, что они направлены не против *всяких* противников «нововременца» Розанова, а против его конкретных «гонителей» — Мережковских и Философова, ограниченность позиции которых Блок почувствовал с полной определенностью.

Накануне I Империалистической войны возникает вопрос об исключении В. В. Розанова — в связи с его статьями в «Новом времени» по делу Бейлиса — из числа членов Религиозно-философского общества. Решение Мережковского сочувственно обсуждают Блок и Вс. Мейерхольд.²⁸ Но последним приговором Блока Розанову был тот весьма важный эпизод с голосованием, о котором подробно пишет Е. М. Тагер. Решение Блока не было случайным. Это — один из закономерных итогов идеологических исканий поэта 1900—1910-х гг.

Воспоминания Е. М. Тагер расширяют и наши представления о Блоке как редакторе и внимательном учителе молодых поэтов. Хотя Блок в дневниках и письмах часто жалуется на перегруженность визитами и письмами начинающих авторов, однако, сформировавшееся в 1910-х гг. в его сознании представление об общественном назначении поэта побуждало его вновь и вновь внимательно читать рукописи, тщательно анализировать их, помогая молодым поэтам выходить на пути большого искусства. Правка Блоком стихов Тагер и письмо к ней — яркие примеры такой помощи.

Приведенные в публикуемых воспоминаниях письмо и записка Блока восстановлены Е. М. Тагер по памяти. Однако у нас нет никаких оснований сомневаться в общей правильности передачи и содержания, и стиля письма (кстати, весьма близкого к стилю других писем Блока 1910-х гг.). Письмо от Блока для девушки-курсистки было, бесспорно, таким ярким событием, столько перечитывалось, что не только общий смысл, но и отдельные выражения должны были запомниться на всю жизнь.

Само это письмо, как и записка Блока, — документы первостепенной важности. Незнакомой ему девушке Блок написал о том, что его самого больше всего волновало. В годы, когда так наз. «кризис символизма» стал уже давно совершившимся фактом, когда для Блока была очевидной косная роль большинства известных ему литературных группировок (прежде всего —

²⁵ См. там же, стр. 41, 57, 62.

²⁶ Там же, стр. 57—58. Разрядка А. Блока. В близком контексте упоминает Блок Р<озанова> в письме к В. Н. Княжнину от 9. XI. 1912 (см.: Письма Александра Блока, Л., изд. «Колос», 1925, стр. 198) и в статье «Судьба Аполлона Григорьева» (январь 1915 г.). Здесь он, как и в приведенной дневниковой записи, защищает автора «Опавших листьев». В 1910-х гг., однако, подобные высказывания единичны: как правило, Блок теперь только критикует Розанова, хотя и не отрицает его талантливости.

²⁷ Там же, стр. 58.

²⁸ См.: Письма Александра Блока к родным, т. II, М.—Л., Academia, 1932, стр. 255.

акмеизма), а объединения прогрессивных писателей (например, поэтов «Звезды» и «Правды»), при всем сочувствии им Блока, оставались для него реально-биографически весьма далекими, поэт всё чаще думает и пишет о *личной ответственности* человека — художника в частности — за социальную ценность созданного им. Эти размышления отразились и в письме к Тагер. Позиция поэта, который «всё делает сам, через себя», при всей её — бесспорной! — социальной уязвимости, для Блока 1910-х гг. — важный шаг вперед, ибо в ней выразилось, прежде всего, стремление преодолеть ограниченность *всех разновидностей* литературы декаданса. Именно этот смысл имеет мысль о том, что «современные поэты» «не всегда хорошо влияли» на творчество молодой Тагер, равно как и совет работать самой, т. е. вне эстетической и организационной сферы влияния литературных группировок декадентской поэзии. «Влияниям» и «ценителям» противопоставляется единственный подлинный учитель — жизнь, которая одна «разрешает то, что казалось всего неразрешимей» и к голосу которой должен прислушиваться поэт.²⁹

В публикуемых воспоминаниях ярко воссоздается и образ Блока-человека, и та атмосфера безусловного, полного доверия со стороны младших современников, которая окружала поэта в 1910-х гг. Воспоминания Е. М. Тагер, расширяя круг наших фактических сведений о Блоке, позволяют создать и более точное представление о мировоззрении поэта в годы, непосредственно предшествовавшие Октябрю.

З. Г. Минц

БЛОК В 1915 г.

Е. М. ТАГЕР.

Я не была с ним знакома, — не имела этой радости, этой высокой чести. Но, вместе со всем моим поколением, я постоянно ощущала его присутствие в нашей жизни. Я ведь принадлежала к тому поколению, на которое, — по меткому слову К. И. Чуковского, — Блок действовал как луна на лунатика.¹ — Шел первый год первой мировой войны. Со страниц книг и журналов к нам неслась «роковая о гибели весть»² — это был его, Блоковский, голос. И реально, физически я его слышала, на литературных концертах, на вечерах в Тенишевском зале, в Певческой Капелле... Ни с чем не сравнимый голос! Как будто глухой, почти монотонный — и пресполненный такой скрытой страсти, так глубоко залегающей силы. Как волновали нас — университетскую молодежь — эти мнимое-однообразные интонации! Мало сказать, — волновали. Как всякое приближение гения, это потрясало, сбивало с ног. «И была роковая отрада»³ в том, чтобы все твое существо содрогалось, следуя подъемам — падениям этого колдовского ритма.

Раз только довелось мне заметить, как магический ритм надломился. Это было на расширенном писательском выступлении в зале Петроградской Городской Думы. Блок прочитал «Река раскинулась...», прочитал «К Музе», прочитал «Грешить бесстыдно, непробудно...»⁴ — всё прочитал, не изменяя свой антидекалаторской, антиактёрской, своей священнодейственной манере, — и начал читать «На железной дороге»:

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая...

Он дочитывал уже последние слова:

²⁹ Ср. в письме Ал. Блока к гимназистке О. А. Кауфман от 28 IV. 1916: «Читайте, главное, классиков, а «новых» — поменьше. Главное же — живите» (Литературный критик, 1940, № 11—12, стр. 136).

¹ См.: К. И. Чуковский, Писатель и книга, М., ГИХЛ, 1960, стр. 517.

² «Роковая о гибели весть» — из стих. А. Блока «К Музе» (1912).

³ «И была роковая отрада» — оттуда же.

⁴ «Река раскинулась»... — первое стихотворение цикла «На поле Куликовом» (1908). «Грешить бесстыдно, непробудно»... — 1914.

Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена ...

И вдруг что-то случилось: губы дрогнули, голос жалобно зазвенел. «Все больно...», — прошептал он потерянно — и, не поклонившись, быстро ушел с эстрады.

«Ему больно. Ему на самом деле больно», — говорила я про себя. Я что-то новое поняла в искусстве. А заодно — и в жизни; ибо искусство и жизнь тогда для меня не существовали раздельно. И вообще, я только еще собиралась начать что-нибудь понимать: мне ведь не было еще и двадцати лет.

Совсем по-другому выглядел Блок на литературном вечере в зале Тенишевского училища. Прочитав стихи на эстраде, он перешел в публику и занял место рядом с Л. А. Андреевой-Дельмас.⁵ Она была ослепительна, в лиловом открытом вечернем платье. Как сияли ее мраморные плечи! Какой мягкой рыже-красной бронзой отливали и рдели ее волосы! Как задумчиво смотрел он в ее близкое-близкое лицо! Как доверчиво покоился ее белый локоть на черном рукаве его сюртука!

И опять по-другому я вижу его весной 1915-го года в зале Географического Общества в Демидовом переулке. В этом зале происходили заседания петроградского Религиозно-философского общества, представлявшего собою цитадель дореволюционного идеализма. Блок состоял в этом обществе действительным членом и был его постоянным посетителем. С неизменным выражением вежливого внимания, он выслушивал более или менее пространственные доклады на гносеологические и психологические темы. Доклады эти не вызывали особого оживления в зале, да они на это и не претендовали; работа общества полностью протекала в области отвлеченных идей, высказывания чаще всего имели изысканный и бесстрастный характер. Но то заседание, о котором идет речь, было посвящено не совсем обычным занятиям: на повестке дня стоял вопрос о поведении В. В. Розанова, — критика, философа и религиозно-мыслящего публициста. Со свойственным этому деятелю глубоким презрением к нормам общественных приличий, он перешел все границы допустимого в своем злобном газетном выступлении, обращенном к русским полит-эмигрантам. Руководство религиозно-философского общества предложило исключить Розанова из состава членов. Выступая по предложению, джентльмен и сноб, Д. В. Философов⁶ отбросил свою отлично-выделанную выдержку, отказался от привычных своих мягких полутонов. Он начал с силой: — «Даже «Новое Время»,⁷ — само «Новое Время!» — отступилась от Розанова! Ему пришлось переключиться в татарскую орду «Земщины»!⁸

Бледнее от гнева, Философов не читал, а выкрикивал циничные сентенции Розанова по адресу русских революционеров: «Захотели могилки на родной стороне?! Нет для вас родной стороны, — волки, волки и волки!» И на каждое слово зал отвечал негодующим гулом.

Вслед за Философовым выступает корректнейший и скучноватый профессор — историк Карташов.⁹ Лектор превратился в трибуна: гремит, про-

⁵ Л. А. Андреева-Дельмас — оперная певица, друг А. А. Блока. Ей посвящен цикл «Кармен» (1914).

⁶ Д. В. Философов (р. 1872) — критик и публицист кадетской ориентации, один из руководителей Религиозно-философского общества. После Октябрьской революции — белоэмигрант.

⁷ «Новое время» — реакционная газета (1868—1916), издававшаяся А. С. Сувориным. В дневниках и письмах Блока 1910-х гг. находим ряд весьма резких высказываний о реакционной позиции газеты.

⁸ «Земщина» — черносотенная газета (1909—1916).

⁹ А. В. Карташов (род. в 1875 г.) — профессор петербургской Духовной академии, активный член Религиозно-философского общества, одно время — председатель его. После 1917 года — белоэмигрант. В 1917 году Блок резко осудил Карташова (Письма Александра Блока к родным, т. II, стр. 367).

рочествует: — «Индивидуализм! Вот куда он ведет! Индивидуализм! Вот где зло, вот где общественная опасность!»

Но слышатся и другие голоса. Нет, не все согласны на исключение Розанова. Ни за что не согласен литературовед Е. В. Аничков,¹⁰ вся его небольшая, кругленькая фигурка бурлит и пышет гневом: «Недопустимо, чтобы судили писателя за его убеждения! Нельзя судить мыслителя за его мысли! Меня самого судили, — а я не могу и не буду никого судить!»

Как «Рыцарь Бедный», стоит перед толпой худощавый, рыжеватый Е. П. Иванов;¹¹ мольбой и рыданием звенит его тихий голос, отчаяние на его бледном, страдальческом лице: «Богом молю вас, — не изгоняйте Розанова! Да, он виновен, он низко пал, — и все-таки не отрекайтесь от него! Пусть Розанов болото, — но ведь на этом болоте ландыши растут!»

А Блок? Он непроницаем. Чем больше шумят и волнуются в зале, тем крепче замыкается он в себя. неподвижны тонкие правильные черты. Он весь застыл. Это уже не лицо, а строгая античная маска. С кем он? За кого он?... Ведь Аничковы его личные друзья.¹² Е. П. Иванову он стихи посвящал...¹³ Убедили его эти люди? Согласен он с ними? Не понять.

Звонok председателя. Философов объявляет: в виду важности вопроса — голосование тайное. Голосуют только действительные члены Общества; каждый сдаст в президиум свою именную повестку. Те, кто против исключения Розанова — поставят на повестке знак минус; те кто голосуют за исключение — поставят на повестке знак плюс.

В напряженной тишине Философов вызывает поименно всех действительных членов. Блок пробирается меж рядов. У него в руке полусвернутая повестка. Он идет мимо меня, — я успеваю заглянуть в этот белый листок — и явственно вижу: карандашом поставлен крест... Плюс! Он за исключение! Он пронизателен! «Ландыши» не соблазнили его...

Ничего, в сущности, не произошло, — а этот далекий, неприступный облик почему-то в моих глазах смягчился, стал живее и ближе. Я набираюсь храбрости. Из моей девичьей лирики отделяю то, что мне кажется законченнее, совершеннее. Тщательно переписываю на машинке, придумываю сопроводительное письмо — и бух, как в воду головой...

От любимой подруги ничего не утаишь — и любимая подруга, волнуясь не меньше меня, ждет результата, а в ожидании ехидно цитирует:

Курсистка прислала
Рукопись с тучей эпитафий
(Из Надсона и символистов)...¹⁴

Я со слезами клянусь, что эпитафий из Надсона — не было. И, вообще, никаких эпитафий — даже из символистов...

Проходит день — два, — и мне подают белый конверт. Мой адрес и имя поставлены неизвестной, уверенной рукой. Крупные буквы четки, изящны, закруглены. Я никогда не видела этого почерка, но у меня нет сомнения, что это тот, тот самый, единственный в мире. Почему-то я зажигаю электри-

¹⁰ Е. В. Аничков (род. в 1866 г.) — приват-доцент Петроградского университета, после 1917 года — белоэмигрант.

¹¹ Е. П. Иванов (1880—1942) — друг А. Блока, литератор, близкий к символистским кругам, после революции — детский писатель.

¹² «Ведь Аничковы — его личные друзья» — см. «Записные книжки Ал. Блока», стр. 82; Письма Ал. Блока к родным, т. 1, стр. 218 и мн. др. Хорошо знал Блок и жену Е. В. — А. М. Аничкову, писавшую под псевдонимом Ivan Strannik.

¹³ «Е. П. Иванову он стихи посвящал» — см. стихотворения: «Вот он, Христос...» (1905), «Петр» (1904), «Когда, вступая в мир огромный...» (1909), «Голоса скрипок» (1910). Сестре Е. П., М. П. Ивановой, посвящено стихотворение «На железной дороге» (1910).

¹⁴ «Курсистка прислала...» и т. д. — из стих. «День проходил, как всегда...» (1914).

чество среди бела дня; иду к телефону, по пути опрокидывая стулья, читаю, читаю по телефону любимой подруге... Письмо — белый листок, сложенный пополам. По четырем страницам бегут редкие разгонистые строки. А в конце четвертой страницы — полная подпись без сокращений, два слова, которые звучат как музыка: «Александр Блок»...

«О, глупое сердце, смеющийся мальчик! Когда перестанешь ты биться?»¹⁵

Многоуважаемая Елена Михайловна!

Сейчас я просматривал Ваши стихи. Они не поразили меня особой оригинальностью и новизной, но они напевны, в них есть искренность и какая-то *мера*.

По-видимому, Вы много читали современных поэтов и они не всегда хорошо на Вас влияли.

Думаю, что Вы все сделаете сами, и никакие «ценители» тут не помогут.

Вы пишете, что я вначале тоже нуждался в чем-то совете. Не думаю. Может быть, и был такой момент, но я его не заметил, не помню. Моих ранних стихов я никому не читал. Показывал только матери, с которой особенно близок.

Хочу Вам сказать одно: все, самое нужное в жизни, человек делает *сам*, через *себя* и через большее, чем он сам (любовь, вера).

Думаю, что Вы понимаете, потому что относитесь к жизни серьёзно.

Александр Блок

Если стихи Вам нужны, я могу вернуть.»

Когда рассеялся туман первого восторга, я опять написала ему. Поблагодарила за внимание, поблагодарила «за урок» (при всей юной самонадеянности, я все же поняла, что дан мне урок нешуточный) и упомянула, что мне хотелось бы получить обратно стихи. Еще день — два — и опять письмо в белом конверте, на этот раз — заказное, полновесное. В письме — мои стихи; и почти на каждой странице — признак того, что их не «просматривали», а ответственно и внимательно читали. Кое-что обведено тонкой чертой, иное заключено в скобки, а в одном месте его карандаш сердито отчеркнул две строчки и против них четко написал: «Этого нельзя». Это — именно те строчки, где неуклюжий, неловкий оборот создавал, как я поняла позже, впечатление двусмысленности.

Как потом разглядывала, как изучала я эти его еле заметные черточки, скобки! Это был мой «литературный институт». Это был его отстоявшийся, проверенный опыт, который поэт с беспримечной добротой хотел передать незнакомой девчонке, полуробенку. И, наперекор собственному утверждению о том, что «никакие ценители тут не помогут», — он помог мне, как нику.

В стихи была вложена записка — на таком же белом листке и с таким же учтивым обращением «Многоуважаемая Елена Михайловна!». Записка была недлинная. Она вся состояла из трех строчек:

«В каждом человеке несколько людей, и все они между собой борются. И не всегда достойнейший побеждает. Но часто жизнь сама разрешает то, что казалось всего неразрешимей».

Это, как будто бы, не имело прямого отношения ни к моему письму, ни к моим стихам. Я приняла это, как ответ на какой-то незаданный вопрос, — отклик на какие-то глубоко и скрыто зреющие полусознанные мысли.

В дальнейшем моя судьба сложилась очень неровно. В прихотливых жизненных перипетиях я утратила драгоценные страницы, исписанные почерком Блока; и теперь письма эти хранятся единственно в моей памяти. Но — «песня песнью все пребудет...»¹⁶ А Песня Судьбы звучит многими голосами; в их числе и симфонический голос Блока, и мой тогдашний, — неуверенный, младенчески-слабый, — но все же озвученный временем голос.

¹⁵ «О глупое сердце»... и т. д. — из стих. «Осенняя любовь» (1907).

¹⁶ Из поэмы Ал. Блока «Возмездие».